

Н. С. ДЕМКОВА, Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

**«Повесть о убогом человеке, како от дьявола произведен царем»
и ее усть-цилемская обработка**

В сборной рукописи БАН (шифр 21.11.2) последней четверти XVIII в. на л. 168—168 об. помещен отрывок повести о договоре «убогого» человека с дьяволом под названием «Повесть об убогом человеке, како от дьявола произведен царем».¹ Доведенный нищетой и голодом до отчаяния «убогий» соглашается продать душу дьяволу, но не за «многие богатства» и не за то, чтобы быть «богатым купцом и знатным гостем», а за то, чтобы стать «вельможою-боярином, князем» и, наконец, — «царем». Сменяющиеся одна другой картины возрастающего денежного изобилия, славы и почестей героя, его успешного продвижения по иерархической лестнице от купца до вельможи-боярина и князя, которому сам царь вручает «под власть всех своих министров и князей и бояринов», обрываются на фразе: «Немного же времени минувши, того царства царь умре и погребен...» Далее в рукописи (после л. 168) вырван лист. Конец сюжета неизвестен, однако из заглавия и контекста ясно, что «убогий» стал царем и, по-видимому, перехитрил черта. Во всяком случае сохранившийся отрывок предполагает подобный замысел: «убогий», видимо, надеется перехитрить беса, так как прежде чем согласиться на его предложение, он пребывает «в великом размышлении» и уговаривает дьявола заранее, хотя бы «за день», предупредить его о приближении смертного часа.

В полном виде эта повесть встречается в усть-цилемской обработке, в сборнике конца XIX в., хранящемся в Печорском (Усть-Цилемском) собрании ИРЛИ (Р. IV, оп. 14, № 70).² Из ее содержания становится ясно, для чего герою необходимо было знать заранее о своем смертном часе: перед смертью он должен был успеть освободиться из-под власти дьявола.

Оба текста появились в разное время и отделены между собой более чем столетним промежутком. Рукописи четко датируются: первая — 1766 г., вторая — 1882 г. Судя по записи на первой рукописи, часть, где находилась повесть, была переписана владельцем сборника крестьянином

¹ Подробное описание рукописи БАН 21.11.2 (Сев. 706) см. в кн.: А. П. Коносов и В. Ф. Покровская. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, т. 4, вып. 1. (Повести, романы, сказания, сказки, рассказы). М.—Л., 1951, стр. 381—384.

² Описание рукописи см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 119—121.

Афанасием Ивановичем Пянтюковым,³ и представляет собой список с более раннего текста.

Этот вариант повести сохранил безусловно более древний сюжет, и он более близок к литературной традиции повестей конца XVII—начала XVIII в., типа повестей о Савве Грудцыне⁴ (это и уход героя «к великой печали» «из дому своего в поле», где его подстерегает дьявол «в человеческом образе», и неотступное пребывание беса около соблазненного им человека, и то, что «убогий» пребывает некоторое время в купеческом сословии).⁵ По фразеологии и историческому антуражу в описании карьеры героя повесть приближается к произведениям начала XVIII в. Сохранившийся текст ценен как новый факт литературной жизни бытовой повести второй половины XVII—начала XVIII в.

Второй вариант повести донес до нас одну из последних страниц литературной жизни этой повести, страницу, свидетельствующую о живом интересе вплоть до XIX в. к теме царя из народа.

Усть-цилемская обработка сохраняет композиционную схему дошедшей до нас части «Повести о убогом человеке и како от дьявола сотворен царем»: 1) тяжелые обстоятельства, в которых находится герой; 2) договор с дьяволом, при заключении которого герой требует предупредить его о смерти за некоторое время; 3) с помощью дьявола герой становится царем, причем «милостивым».

Однако все эти пункты схемы разработаны усть-цилемским вариантом по-своему: 1) герой страдает не от убогой жизни и «глада», а от «темничного сидения»; 2) герой сам выступает инициатором договора с дьяволом, а отнюдь не является «прельщенным» им; 3) герой сразу становится «богоизбранным царем», в отличие от последовательной «карьеры» «убогого человека».

Нетрудно заметить черты последующей обработки сюжета в усть-цилемском варианте и там, где сюжетная канва в обоих случаях сближается.

Если для «Повести об убогом человеке» важным является сам факт его договора с дьяволом, отречения от веры, и ничего не говорится об обряде отречения, в частности о традиционном «рукописании» (эпизод излагается кратко: «И отречется тот человек от Христа и от веры православные и снял с себя крест» — л. 168 об.), то в усть-цилемской обработке здесь налицо распространение эпизода, причем отсутствие «рукописания» находит специальное объяснение: «... сатана рече...: „Поцелуй

³ На л. 62 об. сохранилась запись: «Сия тетрадь города Вытегры Вытегорскаго погоста деревни Анхимовой государственного крестьянина Афанасия Иванова сына Пянтюкова. Писал он своеручно 1776 году декабря 19 дня» (ср. также записи на лл. 85, 104 об., 161 об., 194, 271 об., 275 об.).

⁴ Характеристику Повести см. в статье: Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 168.

⁵ Сюжет о заключении договора с дьяволом был весьма популярен в XVII в. Широко была распространена патристическая легенда — чудо Василия Великого о Протерии, один из источников «Повести о Савве Грудцыне» (см.: М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 124—126). Образы этой легенды использовались и в агитационных сочинениях старообрядцев, направленных против царя Алексея Михайловича и Никона. «Царю же Никону молчаше, понеже запись даде ему своєю рукою в начале поставления его, еже во всем его послушати, и от бояр оборонять, и его волю исполнять, якоже прельщенный оный отрок рукописание даде сатане, его же Василий Великий избави молитвою от погибели тоя», — писал дьякон Федор (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под редакцией Н. И. Субботина, т. VI. М., 1881, стр. 197). Весьма примечательно представление автора о роли дьявола в устройстве жизни героя: богатство добывается с его помощью.

меня во уста". Человек же той скоро начат целовати сатану. Он же рад бысть такой любезности, забы даже истязати о рукописании» (л. 97). Этот момент играет весьма существенную роль в дальнейших перспективах героя на спасение души: он «часто же хождаше в церковь и моляшеся богу о избавлении души своей ... точию то помышляше, яко рукописание не даде сатане, точию целование» (л. 100). Эта обработка повести, выдержанная в традиции древнерусской книжности, по-видимому, принадлежит известному усть-цилемскому писателю и книжнику XIX в. Ивану Степановичу Мяндину (1823—1894 гг.)⁶ и любопытна как новый факт его творческой биографии. О том, что это обработка И. С. Мяндина, свидетельствует прежде всего полное сходство почерков публикуемого списка и рукописей И. С. Мяндина, кроме того, рукопись № 70 была приобретена В. И. Малышевым (как он нам указал) у внука И. С. Мяндина.

С произведениями И. С. Мяндина усть-цилемскую повесть сближает также и сам характер ее обработки, и тематическая близость ее к повестям, которые привлекали внимание усть-цилемского книжника В. И. Малышев, который занимался изучением творчества печерского писателя, отмечал как отличительную черту переработанных И. С. Мяндиным повестей о царе Аггее, о царице и львице, о царевне Персике, что в них усть-цилемский редактор «мечтал об участии народа в управлении страной ... прославлял честный труд (царь Аггей), обличал жестокость и корысть богачей».⁷

Демократические настроения крестьянского писателя особенно сказались в повести о Царице и львице, где «подчеркнута роль народа, народного собрания»⁸ в управлении государством. «Царь, связанный с народом, обращающийся к народу за советом — мотив нередкий в печорских произведениях и переделках XIX в.»⁹ в том числе и в повести о царевне Персике, переработанной И. С. Мяндиным. Таковую же трактовку этих тем находим и в нашей повести. Бывший «преступник и темничник» с помощью дьявола становится богоизбранным царем, в мудрое правление которого «весь народ переменялся: из татей и разбойников и пияниц и других злодеев соделались мирными и трудолюбивыми жителями». Перехитрив черта, бывший преступник, а ныне «богоизбранный царь» спасает свою душу путем самоистязания, казни, учиненной над ним по его же собственному приказу, и попадает в мученики. Таково в этой повести своеобразие решения фаустовской и житийной темы. Но хотя в повести сильно ошутим религиозный колорит, старообрядческое начало в развитии сюжета (что, вероятно, является результатом позднейшей обработки), не к этому сводится ее пафос. Писателя сильнее увлекают «мирские» проблемы человеческой морали, духовного самосовершенствования, превращения преступника и тюремника в мученика, а главная тема повести — это тема идеального справедливого «богоизбранного» царя, выбранного из самых народных низов, тема, близкая народному

⁶ В. И. Малышев. 1) Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 567; 2) Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 443; 3) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 14—16 и др. (на стр. 13, 15 даны фотографии почерка И. С. Мяндина); Старинные переплеты и рукописные находки. — Русская литература. 1960, № 4, стр. 189.

⁷ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания, стр. 568.

⁸ В. И. Малышев. Усть-цилемская обработка повести о царевне Персике. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 330.

⁹ Там же, стр. 328.

песенному творчеству (например, разинского и других циклов) и народному верованию в «хорошего царя».¹⁰

Оба варианта повести не лишены больших литературных достоинств, сюжетной занимательности, динамичности повествования и выразительности языка. Обе они унаследовали лучшие традиции повествовательной прозы XVII—начала XVIII в. Герой их, состязающийся в хитрости с самим чертом, близок фольклорному герою (особенно герой усть-цилемской обработки). В сказках это обычно солдат, который побеждает черта.¹¹ Язык усть-цилемской обработки хранит яркие народно-сказочные приметы.

Ниже публикуется отрывок повести по рукописи БАН (21.11.2) и усть-цилемская обработка повести по рукописи ИРЛИ (Р.ІV, оп. 14, № 70).

Повесть о убогом человеке, како от диавола произведен царем

л. 168

Был некой^а человек и живяше в^б великой скудости в некоторое время прииде, что тому человеку нечем души пропитать, и бысть гладен. В^в великой печали поиде из дому своего в поле, ему же плача и сетуя, и от гладу истомлен бысть. В той же час ненавидий^г рода христианьскаго злы супостат диавол, явися в человеческом образе тому человеку, рече: «Борзо человек, что горюеши и плачещи, поведай ми. Аз ти помогу». Той же человек рече диаволу: «Аз есмь нищ и убог и от гладу прихожду к смерти». Диавол же рече ему: «Что мне даси, аз тя сотворю велика, богата и честна». Той же человек рече: «Видиши ли ты, что мне дати тебе нечего, ибо убог есмь». Диавол же рече ему: «Ничто не надобно, но токмо ты отрекися от Христа, бога своего, и аз тебе дам многа богатства».^д Той же человек бысть в^е великом размышлении и рече диаволу: «Сотвориши ли мя богатым купцом и знатным гостем?». Деавол же рече ему: «Сотворю». Паки тот человек рече диаволу: «Сотвориши ли мя велможею боярином, князем и царем?». Диавол же рече ему: «Все тебе сие сотворю, токмо ты отрекися Христа». И бысть тот человек в^ж великом размышлении на мног час. Рече диаволу: «Знаеши ли ты, когда мне будет смерть?». Диавол же || рече: «Знаю». Человек же тот рече ему: л. 168 об.
«Скажи мне смерть за двадцать лет». Диавол же рече ему: «Не скажу за гот». Тот потом рече человек: «Скажи мне хотя за месяц». Диавол же рече: «Не скажу ни за неделю, ни за три дни». И паки человек рече диаволу: «Скажи мне смерть за день». Диавол рече: «Скажу за день». И отречеса тот человек от Христа и от веры православных и снял с^з себя крест. Диавол же взя того человека, приведе в некоторое превеликое царьство, и нанял ему пребогатую фатеру со вседневым драгим

¹⁰ Ср. сказку про утку с золотыми яйцами, в которой герой «малой Иванушка» случайно проходит «во градские ворота» как раз «в ту пору», когда народ «думал думушку крепкую . . . кого царем выбрать», и его избирают царем («тогда весь народ закричал: „Вот идет наш царь!“») (в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, в трех томах, т. II. Гослитиздат, [М.], 1938, стр. 119—120). Тема подобного избрания царя известна и в древнерусской литературе (Сказания о Вавилонском царстве, Повесть о Басарге) и широко распространена в народных сказках о царях Иване Грозном, Петре Великом и других (в 6 вариантах), перечисленных И. Н. Ждановым в его книге «Русский былевой эпос» (СПб., 1895, стр. 56—62).

¹¹ Ср. сказку «Беглой солдат и черт» в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, в трех томах, т. I. Изд. «Academia», 1936, стр. 380—383.

^а Испр.; в ркп. неко. ^б Испр.; в ркп. нет. ^в Испр.; в ркп. нет. ^г Испр.; в ркп. ненавидя. ^д Испр.; в ркп. погатства. ^е Испр.; в ркп. нет. ^ж Испр.; в ркп. нет. ^з Испр.; в ркп. нет.

кушанием и питием, и накрал из лавок, и наносил тому человеку денег премногое множество. И обогати тот человек, и нача торговать, и бысть славный^а купец. Потом ево диавол произведе гостем и накупил ему вотчин и рабов премногое число, потом купил пребогатой дом. Бысть же ведомством в царстве оным гостем, веде царь, яко зело богат, и постави ево царь над всеми градскими купцами велможею и бысть у царя в^к великой милости. Диавол же всегда пребываше при нем, дабы не обратился попрержнему в^а веру Христову, того много^к всегда наблюдает. Потом оной велможа пожалован от царя болшим боярином. Паки ж по произведению диавольскому, оной боярин пожалован от царя первейшим князем, и вручи ему царь подо власть всех своих министров и князей, и бояринов, и вместо себя всякой суд и расправу имет. Тот же человек бысть до всех граждан милостив. Не могу же времени минувшу, того царства царь умре и погребен...^а

(БАН, 21.11.2, л. 168—168 об.).

л. 95

Повесть о некоем богоизбранном царе и о прелести дияволи

Во граде некоем многолюднем, во стране Пелестиньстей седяше за некое преступление в темнице некий человек многое время и якобы в забытии от всех бысть. Седящу же ему, зело скорбию одержиму бывшу.

л. 95 об. И единою стужив, си рече в горести своей: «Будь я проклят! Чтобы || мне провалиться сквозь землю, дабы не мучиться зде в темнице и гладом таяти и жажду».

Абие же напрасно разверзся пол тоя темницы, идеже седяше человек той, и провалися. И лете скоро, яко в мигновении ока, прелете всю земную пропасть и очутися пред лицом велияра, седяща на престоле и

л. 96

окружена темными князи. Видев же диявол человека пред лицом || стояща, вопросы его, глаголя: «Что ради прииде зде, или кая ти потреба до нас?».

Человек же той рече сатане: «Аз приидох к вашей темности просити, дабы меня поставили царем в некоем велицем граде и многолюднем». Тогда сатана возрадовася рече: «Сотворю по воли твоей, точию по смерти даждь мне душу твою и напиши в том своею кровию».

Человек же той рече ко дияволу: «Буди || тако, точию мне дай знать за месяц до смерти». Рече сатана: «Много есть». Рече человек: «Но за седмь дней». И рече бес: «Много». Тогда рече человек: «Един день». Сатана же рече: «Ну, ужь за три часа дам тебе известие». Рече же человек:

л. 96 об.

«Еще прошу тебя, во время моего царствования не посылай в мой град своих подданных на прельщение, дабы мои подданные не подвергались || никаким слабостям. Даже в моей области не было бы ни тадыбы, ни разбою, ни блядней, ни пьянства и других порочных дел». На то сатана рече: «Все ето я сделаю, токмо в знак вековой ко мне привязанности и дружбы поцелуй меня во уста».

Человек же той скоро начат целовати сатану. Он же рад бысть такой любезности, забы даже истязати о рукописании. || И в той час призва слуг своих и рече им: «Ведомо буди вам, сей человек, иже зде стоит, — брат наш есть, во веки будет нам слуга. Ныне поидете с ним и доведете в оный град, имя рек. В том граде несть у них царя, ибо граждане те издавна имеют обычай поставляти царя,

л. 97 об.

его же бог им укажет колокольным звоном. || Заутра вси соберутся в церковь и после литургии начнут подводить под колокольной звон всякаго звания людей, тогда сей человек должен ходить по улице в том граде и

л. 98

^а Испр.; в ркп. славны. ^к Испр.; в ркп. нет. ^л Испр.; в ркп. нет. ^м Испр.; в ркп. мно. ^н На этом рукопись обрывается.

крычать: «Я богоизбранный царь». На эти слова народ особое обратит внимание, и из любопытства подведут его под колокольный звон. В ту минуту вы ударьте в колокол, и он будет царь».

л. 98 об.

Абие поемше человека того демани и поставиша посреде граде при соборной церкви, идеже собрано множество народа для избрания царя. Егда же изыдоша из церкви на площадь, где повешен большой колокол, под него же подвизаху людей всякаго звания. Человек же той нача крычати больма, яко: «Аз богоизбранный царь», — почему народ и обратился к нему. И для || испытания или посмеяния подведоша и под колокол. И в ту же минуту удариша беси по научению сатанину. И абие весь народ возопиша гласом велиим: «Во истинну господь даде нам богоизбраннаго царя». И в той час ведоша его в палаты царьския, и облекоша в порфиру, и венец возложиша на главу его, и скипетр ему вручиша. И тако человек оный, бывый || некогда преступник и темничник, ныне царь и властелин, нача царствовать благополучно. И во время его царствование бысть велие гобзование, ибо под мудрую^а его правление весь народ переменялся: из татей и разбойников и пияниц и других злодеев соделались мирными и трудолюбивыми жителями. Чего видя, благочестивии мужие славяху бога || и богом избраннаго царя благословляху.

л. 99

л. 99 об.

л. 100

И тако преидоша нарекованныя богом лета царствования сего благочестиваго царя во всяком добром пребывании. Часто же хождаше в церковь и моляшеся богу о избавлении души своей, ибо печашеся нехуде, точию то помошаше, яко рукописание не даде сатане, точию целование. И того ради творяше нищим || милостыню довольну втайне. Бог же, хотяй всякаго человека спасти, и сего ради утаи добродетели благочестиваго сего не токмо от людей, но и от диявола, ибо той царь ежедневно в веселии и в пиршествах пребываше. Пред ним же свирельники и гудцы играюще на всяк день, увеселяху. Сие бо веселие царь творяше, да утаятся его добродетели от лукаваго сатаны. || В мысли же своей держаше, еже бы како при кончины сертней покаются во всех согрешениях. Таковое же житие имущу сему царю во дни убо в веселии и пиршествах пребывая, в нощи же коленопреклонением изнуряя тело свое и слезами омываше.

л. 100 об.

л. 101

По прешествии же тридесяти лет царствования его на 31-е, егда сему царю бывшу на пиршестве || у некоего вельможи на обеде и сидящу царю во многом веселии между другими вельможами, абие некто шепну ему во ухо: «Через три часа тебе будет смерть». Сие слышав, царь напрасно вскочи из трапезы, яко изумлен, и скоро повеле привести мужа сильна и секиру и плаху. И тако ляже на плаху и нача сказывати, како у сатаны во аде бысть и целовах его. || И сказа подробно от темницы и до сего часа. И яко покайся пред всеми людьми, и повеле отсеци первие — руки и ноги. Та же, простився со всеми, и повеле и главу отсеци. Отсеченныя же члены повеле, смирения ради, разметати на снение псом.

л. 101 об.

л. 102

Се же происшествие людие видевше и слышавше, прославиша бога. Сатана же се яко отщегився своей жертвы и обманувся обещанием, || еже обещася ему царь целованием и прехитри покаянием и излиянием крови своей, яко не пощаде тела своего, но вдаде на отсечение. Сего ради господь бог прости ему вся согрешения его, но учени его с мученики. Отсеченныя же части долго лежаху, и пси не прикасахуся. Последи же собираша, и гроб сотвориша, честно погребоша. И от тела его миро истече. Его же молитвами и нас сподоби. Аминь. ||

л. 102 об.

л. 103

^а Так в ркл.

Зрите вси, иже блажнящиися и прельщающиися, на сего царя благо-
разумнаго, како той из темницы первие избавися, таже и от лютаго
велиара избавися и душу свою от ада избави, како той лукавый сатана
хотя придобыти душу его, но жестоко обмануся и не только не прель-
стися сам, но и сущих в царствии своем многи народы спасе и от ада
л. 103 об. избави. Сице и нам каждому поревновати || должно есть сему царю бла-
горазумному, его же молитвами и нас сподоби небеснаго царствия во вся
веки веком. Аминь.

(ИРЛИ, Р.IV, оп. 14, № 70, лл. 95—103 об.).